

ПАМЯТЬ

Сегодня у Григория Горина день рождения. Дата не круглая — 61 год. Но день рождения отмечают все его друзья, потому что слишком его любят и никак не могут смириться со страшной потерей.

Хотя сам Григорий Израилевич не любил никаких торжеств и не был мастером по организации собственных юбилеев. Он писал грандиозные поздравления всем, а сам, как правило, 12 марта удирал из Москвы. На свой последний, 60-й день рождения он уехал к папе, в Сан-Франциско. И тем не менее в этот день друзья накроют стол, нальют водки и вспомнят потрясающего и удивительного Гришу Горина.

— Я был тогда эстрадным автором и искал соавтора. Мне порекомендовали талантливого студента нашего мединститута Гришу Офштейна, — говорит Аркадий Арканов. — Я никогда не забуду момент, когда он впервые появился на пороге моего дома. Я открыл дверь (мы жили тогда в коммунальной квартире). Стоял Гриша, высокого роста, такой очень активный, пышущий здоровьем, энергией. Он был в плаще, и на нем была, это очень смешно, зеленая шляпа. «Я — Гриша. Мне 22 года», — сказал он. И потом эта фраза стала достаточно

Я - ГРИША. МНЕ 22 ГОДА

популярной. Когда Гриша что-то не понимал, он говорил: «В чем дело? Мне 22 года. Я ничего не понимаю!». И все вокруг него повторяли: «Гриша. Ему 22 года. Он ничего не понимает».

Я ему сказал, что хочу предложить ему сотрудничать на эстраде и добавил: «Это принесет деньги». — «Этого не может быть», — не поверил он. Тогда я назвал сумму, от которой у него просто вылезли глаза, — 300 рублей, не считая гонораров за проданный материал. И мы как бы подписали контракт друг с другом. И с этого момента началось наше сотрудничество. Как это происходило? Мы работали в основном у меня, иногда у него. Сидели, писали на кухне моей однокомнатной квартиры. А первый спектакль для эстрадного театра «Крошка» при ЦДРИ вообще валяли в шалаше.

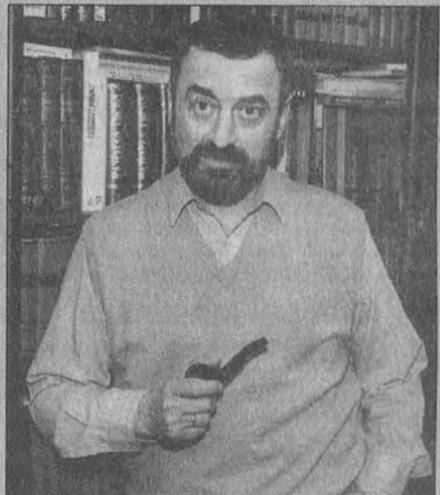
Легкость пера этого новорожденного дзета была необыкновенной. Никто не знает, что до первой совместной пьесы «Свадьба на всю Европу» Арканов и Горин написали за... восемь дней. Они уехали в Дом творчества кинематографистов в Болшево на 12 дней.

— Причем из этого срока, — продолжает Арканов, — четыре дня каждый из нас приезжал в Москву по личным делам, к девушкам. Значит, оставалось восемь. И по четыре часа каждый день уходило на бильярд. Гриша был классным бильярдистом, и именно в Болшево он взялся меня учить этой игре. Я до сих пор не понимаю, как нам удалось написать пьесу.

— А как родились псевдонимы Арканов и Горин?

— В 1963 году мы написали свою первую интермедию для Всесоюзного радио, для передачи, которая впоследствии стала называться «С добрым утром!». Это была интермедия о зеленых насаждениях — такой образец положительного юмора. Редактор программы Наташа Сухаревич — чудная женщина — тогда сказала: «Аркаша, Гриша, вы поймите только правильно, мы должны объявлять фамилии авторов. И кто мне разрешит произнести фамилии Штейнбок и Офштейн? Вам будет лучше, если вы с этими фамилиями что-нибудь сделаете».

Мы вышли из редакции, стали курить. Я сказал: «Гриш, я буду Арканов. Меня и в детстве звали Аркан, я — Аркадий». Он думал-думал: «А я буду Горин!». — «С ума сошел! — сказал я. — Надо что-то позвучнее. И еще есть артист известный — тоже Го-

АЛЕКСАНДР ИЗОВ

рин, будут путать». Но он железно сказал: «Горин».

Единственная загвоздка была с получением гонорара. И тогда сатирическая парочка придумала такую хитрость. Каждый из них писал себе доверенность: «Я, Горин Григорий Израилевич, доверяю получить причитающуюся мне сумму Офштейну Григорию Израилевичу...» И то же самое делал Арканов.

— Позднее Гриша расшифровал свой псевдоним и всем рассказывал эту ироничную аббревиатуру: Григорий Офштейн решил изменить национальность. Дурака валяли, конечно. А в 64-м году мы оставили заявления в своих загсах, что хотим отхаживать литературные псевдонимы с фамилиями. Тогда это было достаточно просто. Требовалась только трехнедельная проверка: не сидели ли мы, не совершали ли преступлений. Самое интересное, что можно было изменить фамилию и имя, но категорически нельзя было изменить отчество. И Гриша так и остался Израилевич. И когда в 67-м году началась первая война между Израилем и Египтом, то я сказал: «Гриша, мне неудобно звать тебя Израилевич. Я буду звать тебя Агросорович».

Сегодня много что вспомнят про Григория Горина — его ореол светел. Но главное, в чем будут едины все, — он до конца дней оставался большим ребенком. Навивным, увлекательным, удивляющимся, хотя, казалось, много видел, ко всему привык. Как будто по-прежнему он в плаще, зеленой шляпе, Гриша, и ему 22 года.

Марина РАЙКИНА.

Мок. Комсомолец - 2001. - 42

март - с-8